

Александр Свечин

**ИСТОРИЯ
ИСКУССТВА ВОЙНЫ**

**От Крымской
до Первой мировой**

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2025

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)
С24

Свечин, Александр Андреевич.

С24 История искусства войны: от Крымской до Первой мировой / Александр Свечин. — Москва : Яуза-пресс : Эксмо, 2025. — 704 с.

ISBN 978-5-04-217365-3

ОТ АВТОРА КЛАССИЧЕСКОГО ТРУДА «СТРАТЕГИЯ». Эта фундаментальная книга Александра Андреевича Свечина (1878—1938) посвящена эволюции военного искусства во второй половине XIX — начале XX века. Крупнейший стратег, самый известный отечественный военный теоретик прекрасным научно-популярным языком рассказывает читателям о развитии искусства уничтожения противника от Крымской до Первой мировой войны, в деталях раскрывая основные этапы становления стратегии и тактики на примере главных военных конфликтов и сражений этого периода.

От кровопролитной битвы за Севастополь, Гражданской войны в США, войны за независимость Италии, знаменитых Франко-прусской, Англо-бурской и Русско-турецкой войн до неудачной для Российской империи войны с Японией и Великой войны 1914—1918 годов, навсегда изменившей теорию и практику военного искусства.

**УДК 94(100)
ББК 63.3(0)**

ISBN 978-5-04-217365-3

© ООО «Яуза-пресс», 2025
© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Восточная война 1853–1856 гг.

Россия в середине XIX века. — Николаевская армия: комплектование, командный состав, генеральный штаб, организация и мобилизация, военная промышленность, вооружение, тактика. — Ограниченные цели Восточной войны. — Наши противники; морские силы. — Дунайская кампания 1853–1854 гг. — Паскевич и осада Силистрии. — Перевозка союзных войск в Галиполи. — Первые промежуточные цели. — Высадка в Крыму. — Организация союзного командования. — Сражение на р. Альме. — Устройство союзников на Херсонесском плато. — Материальные средства Севастополя. — Неуспех ускоренной атаки. — Наступательные действия русских. — Материальное состязание. Сообщения. — Постепенная атака. — Сокрушение и измор в дискуссии между союзниками. — Керченская экспедиция. — Агония Севастополя. — Конец войны. — Финансовые итоги. — Санитарные итоги. — Общие замечания. — Литература.

Россия в середине XIX века. Большая часть Западной Европы в борьбе с Наполеоном I была вынуждена усвоить завоевания Французской буржуазной революции; феодальные пережитки в значительной степени оказались на Западе уничтоженными. Россия начала XIX века выдержала находившиеся на излете удары Наполеона

и вышла победительницей. Победы в Отечественной войне, увенчавшиеся занятием Парижа в 1814 году, явились прежде всего торжеством феодального строя России, стабилизировали власть верхов дворянства и преградили дорогу реформам. Старый порядок в России, отразивший натиск французской революции и наполеоновской эпопеи, оказался в силах подавить и революционное движение изнутри; русский либерализм, представленный декабристами, потерпел полное поражение. Россия Николая I составила оплот европейской реакции. Последним выступлением России в роли европейского жандарма явилось содействие Австрии в 1849 г. в вооруженном подавлении венгерской революции.

Блеск внешних дипломатических успехов России таил под собой глухую ненависть широких кругов населения Европы к реакционным проявлениям русского самодержавия; да и европейские правительства тяготились гегемонией России; даже наиболее обязанные Николаю I Пруссия и Австрия готовы были огрызнуться против русской опеки.

Экономическими успехами мы похвастаться не могли. Каменный уголь еще не явился в России на смену рабского труда. Крепостной строй отношений, с его расточительным использованием человеческого труда, подавлением критики и гласности, судебным и административным произволом, не позволял России поспевать за общим развитием мировой экономики. Роль России в мировой торговле упала за первые пятьдесят лет XIX века с $3\frac{1}{2}\%$ до 1%.

Благодаря дешевому крепостному труду на наших заводах и фабриках в XVIII веке в нашем экспорте изделия промышленности занимали крупное место, до 20% всей его ценности. К середине XIX столетия стоимость изделий в нашем вывозе представляет не свыше 3%. В течение XVIII века Россия занимала первое в мире место по чугуну. Но уже в 1770 году был открыт способ выплавки чугуна

на каменном угле. В течение первой половины XIX века, оставаясь на древесном угле, мы расширяли наше производство чугуна, сравнительно с цифрами 1800 года, ежегодно в среднем на 0,8%, а Англия — на 50%; естественно, что последняя, значительно уступавшая нам раньше, теперь обогнала нас в 14 раз. Мы являлись в XVIII веке мировым поставщиком материи для парусов; каменный уголь бил нас и на этом фронте, сокращая потребность в парусах с переходом к паровому флоту. Американский хлопок вытеснял наш лен; все предпочитали дешевый ситец грубому русскому полотну, и вывоз последнего за 50 лет сократился на 43%; соответственно пал и вывоз пеньки. Новые технические изобретения и возможности обращались против нас.

Не только крестьяне, но и помещики в огромной степени жили продуктами натурального хозяйства. Товарное производство было крайне ограничено. Емкость внутренних рынков была очень скромна. Обеспеченная таможенным барьером, работавшая на внутренний рынок промышленность делала некоторые успехи — преимущественно количественные, а не качественные, так как дешевизна рабочих рук, на дешевом хлебе, задерживала переход к более рациональным формам производства.

От разорения Наполеоновских войн Россия поправлялась медленно. Еще в тридцатых годах Смоленск стоял в развалинах. Железнодорожное строительство развивалось крайне слабо; кроме недостаточного развития промышленности и торговли в этом повинны и Министерство путей сообщения, занявшее враждебную позицию¹.

¹ К началу Восточной войны имелось всего 980 верст железных дорог, в том числе Царскосельская, Николаевская (Петербург — Москва) и Варшавско-Венская; линия Петербург — Варшава находилась в постройке. Весь юг России не имел ни одной железной дороги.

До 1834 г. телеграфа в России не было. Затем был устроен оптический телеграф Кронштадт — Петербург и Варшава — Петербург. К проведению первого электрического телеграфа приступили только в 1853 году, почти с началом Восточной войны.

Николаевская армия. Наполеоновские войны требовали в общей сложности от русского крестьянства двух миллионов рекрутов — четвертую часть его мужской рабочей силы.

Войны, которые затем вела Россия, требовали от нее лишь частичного напряжения сил. Крупнейшие из них — борьба с турками в 1828–1829 гг. и борьба с поляками в 1831 г.; первая потребовала развертывания 200 тыс. человек, вторая — 170 тыс.; в обоих случаях эти цифры были достигнуты не сразу, что вызвало некоторые заминки в ходе военных действий.

Русский государственный бюджет давал хронический дефицит. Приступ в сороковых годах к вывозу хлеба в Англию позволил ему вырасти за десятилетие перед Восточной войной на 40 %, что, однако, дефицита не устранило. Военный бюджет продолжал колебаться около одной и той же цифры — 70 млн. В списках же армии состояло в среднем 1 230 000 человек и свыше 100 тыс. лошадей (не считая лошадей казачьих частей). На каждого солдата армии, считая все расходы по управлению и снабжению Военного министерства, приходилось около 57 рублей в год¹. Николаевская армия превосходила Красную армию по численности в 2 раза, а бюджет ее был меньше в 9 раз. И при низкой технике, и при низких ценах на хлеб того времени это был нищенский бюджет. Если кое-как удавалось сводить концы с концами, то лишь по-

¹ По вычислениям Бобрикова-Обручева, основанным на обширном архивном статистическом материале, расходы Военного министерства на одного солдата в сороковых годах были даже меньше и колебались от 48 р. 38 к. до 53 р. 72 к. в год.

тому, что армия Николая I жила отчасти натуральным хозяйством; на населении лежали квартирная повинность, подводная повинность, повинность отопления и освещения воинских квартир и зданий, повинность отвода пастбищ и лагерных помещений; расходы по призыву ложились на общины, поставлявшие рекрутов; фабрики и заводы военного ведомства пользовались крепостным трудом; конница довольствовалась военными поселениями; иногда обыватели, по которым были расквартированы войска, выражали желание дарить солдатам продовольствие, и тогда казенный провиант шел на усиление хозяйственных сумм части; имелись доходы с казачьих земель и военных поселений и т. д. Укрепления Малахова кургана, составлявшего часть Севастопольской крепости, были возведены за счет севастопольского купечества...

Однако в XIX веке эти натуральные доходы военного ведомства постепенно умаялись. Если раньше транспорт военному ведомству ничего не стоил, то затем была введена оплата крестьянской подводы 10 коп. в сутки, а в 1851 г. введена контрамарка, ценой в 75 коп. за одноконную подводу. Попытка Аракчеева путем организации в широком размере военных поселений перевести армию на натуральное хозяйство и использовать ее как трудовую силу шла вразрез с развитием капиталистической экономики и не удалась в корне. Военные поселения обанкротились во всех отношениях; в момент польского революционного движения в 1831 г. в них вспыхнул «холерный» бунт, после чего идея обратить солдата на время мира в землепашца отпала и поселенные солдаты обратились в простых крестьян; военное ведомство являлось их помещиком и обязывало поселенцев продовольствовать квартировавшие в военных поселениях войска.

Учитывая все плюсы натурального хозяйства, мы все же должны признать материальное обеспечение николаевской армии нищенским; особенно следует иметь

в виду, что за счет этого жалкого военного бюджета двигались большие казармы, вооружались огромные крепости и в мирное время уже накапливались потребные для сокрушительного удара громоздкие запасы военного снабжения, так как на мобилизацию военной промышленности, работавшей крепостным трудом, рассчитывать было невозможно.

Комплектование. Привилегированные сословия и некоторые национальности, освобожденные от рекрутской повинности, составляли свыше 20% населения. Для некоторых других национальностей (напр. башкирской) военная повинность была заменена особым денежным налогом. В годы мира набор рекрутов достигал в среднем 80 тыс. человек. Возраст рекрута должен был быть между 21 и 30 годами. Из семи крестьян, достигавших призывного возраста на военную службу, в среднем попадал один; так как срок военной службы достигал 25 лет, то одна седьмая мужского крестьянского населения безвозвратно пропадала для мирного труда и гражданской жизни. Остальные 6/7 не получали никакой военной подготовки. Целый ряд случайных причин делали рекрутскую повинность весьма неравномерной. В то время, когда одни губернии сдавали с 1000 душ 26 рекрутов, другие губернии сдавали только 7. Чтобы реже беспокоить население глубоко волновавшими его рекрутскими наборами, Россия была разделена на восточную и западную половины, поставлявшие, чередуясь, всю годовую потребность в рекрутах. Не личный, а общинный характер рекрутской повинности влиял на ухудшение качества набора. Громадное большинство рекрутов были неграмотными¹.

Набор рекрутов происходил в устрашающей обстановке и сопровождался злоупотреблениями. Принятым

¹ Статистика грамотности рекрутов дает данные только с 1862 г., когда грамотных оказалось 8,68%; в украинских губерниях — только 3%.

рекрутам для затруднения побега брились лбы или затылки, как каторжникам; на каждого взятого рекрута брался еще один подставной, т. е. заместитель на случай побега рекрута или браковки его военным начальством; рекруты и подставные отправлялись с таким же конвоем, как арестанты. Принятие на военную службу освобождало рекрута от крепостной зависимости помещику; но он только менял хозяина и становился со всем своим потомством собственностью военного ведомства. Состоя на военной службе, он мог жениться, и военное ведомство даже поощряло солдатские браки, так как сыновья от этих батраков — кантонисты¹ — являлись достоянием военного ведомства. Только один из сыновей солдата, убитого или искалеченного на войне, освобождался от зависимости военному ведомству; в эпоху Восточной войны военное ведомство имело до 378 тыс. кантонистов; из них 36 тыс. находились в различных военных школах, подготавливавших квалифицированных работников — фельдшеров, коновалов, музыкантов, оружейников, пиротехников, топографов, военно-судебных чиновников, десятников, писарей, телеграфистов; главная масса кантонистов сосредоточивалась в военных поселениях; до 10 % всего набора покрывалось этой солдатской кастой.

Несмотря на то что рекрутская повинность охватывала только беднейшие податные классы населения, ввиду ее тяжести, до 15% рекрутов откупалось от воинской повинности путем выставления заместителей или покупки рекрутских квитанций; цена такой квитанции была довольно значительна²; заместители — выбившиеся

¹ Слово «кантонист» ведет свое происхождение от прусского кантон-регламента XVIII столетия; смысл его — «военнообязанный».

² В 1869 г. рекрутская квитанция расценивалась в 570 рублей. В большинстве случаев от поставки рекрутов откупалось мещанское или крепостное общество в целом. В зажиточной

из колеи люди или старые бесприютные солдаты, уволенные в бессрочный отпуск, ухудшали комплектование и затрудняли накопление обученного запаса.

В 1834 г. решено было принять меры к накоплению в населении запаса военно-обученных, для чего увольнять солдат после 20 (впоследствии 15 и даже 13) лет в бессрочный отпуск. Сверх того, для сбережения средств военного ведомства, в подражание прусским фрейвахтерам XVIII века, были установлены временные, годовые отпуска, в которые военное ведомство, в зависимости от наличия войск, могло увольнять солдат, прослуживших 8 лет на действительной службе. Результат этих мероприятий, однако, оказался ничтожным: к началу Восточной войны военное ведомство располагало обученным запасом только в 212 тыс. человек, большинство коих по возрасту и здоровью едва ли было пригодно для войны. Основная причина неуспешности накопления запаса заключалась в отвратительном санитарном состоянии армии; при приеме рекрутов главное внимание обращалось не на здоровье, а на рост рекрута (не ниже 2 аршин $3\frac{3}{4}$ вершков); на службе солдат получал явно недостаточное продовольствие: мясо полагалось не всем нижним чинам (напр., денщики его вовсе не получали) и только по расчету $\frac{1}{4}$ фунта два раза в неделю; чай и сахар вовсе не выдавались; отпускаемый провиант не всегда доходил до солдата; при довольствии — даровом — от местных жителей оно становилось вообще произвольным; одежда солдата была совершенно нерациональной¹; медицинская часть находилась

Московской губернии число заместителей доходило до 40% набора.

¹ Одежда и снаряжение удовлетворяли только требованиям парада. Карман на мундире и брюках не допускался, так как различно набитый мог бы портить вид солдатского строя. Трубку, махорку, мыло, щетку и прочее солдат набивал

в отвратительном состоянии; строевые занятия были изнурительны, особенно в столицах, которые давали наибольшую смертность. В результате средняя смертность с 1826 г. до 1858 г. превышала 4% в год. Если мы выбросим ужасный холерный год 1831 г., когда мы в боях с поляками потеряли 7122 убитыми, а численность нашей армии понизилась на 96 тыс., главным образом от холеры, смертность 1855 года — разгара Восточной войны, когда от болезней умерло 95 тыс., и все другие годы войн, то все же средняя смертность в мирные годы будет равняться 3,5%¹. Две трети призываемых рекрутов умирали на службе. Если мы прибавили к этому 0,6% годовой потери от дезертирства и досрочную инвалидность части солдат, то окажется, что армия требовала каждый год пополнения свыше 10% своего состава; фактически николаевский солдат служил 10 лет, после которых уходил не в запас, а в тираж погашения. В николаевской армии не было ни того сдерживающего начала, которое вносит в вербованные армии дороговизна вербовки, ни того бережливого отношения к солдату, которое является естественным следствием общей, распространяющейся на все классы воинской повинности; в результате «здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке, насилиу шей пустых дадут»...

Отсутствие каких-либо импульсов, тяжелая, скучная, бесконечная в своем однообразии караульная служба, изнуряющее топтание на месте строевых учений, при плохой пище и одежде, создавали физически слабую

в кивер и все это водружал на голову; вес кивера с нагрузкой доходил до 3,5 килограмма. В 1831 г. в течение зимнего похода офицерам и солдатам было строжайше запрещено ношение полушубков.

¹ Для сравнения укажем на смертность германской армии перед мировой войной — 0,2% или максимум 0,3% в год. В середине XIX столетия смертность прусской армии уже не достигала 1%.

армию. На калишских маневрах 1839 г., произведенных совместно с пруссаками, среди старослужащих наших полков появились отсталые, тогда как прусская молодежь двухлетней службы держалась еще бодро. В 1854 г., при первом столкновении союзников с русской армией, французов поразили бледные лица русских солдат. Служба мирного времени русского солдата являлась каторгой, поскольку в глухой провинции не отдалялась от военных требований и не приближалась к нормальному существованию крепостного дворового. Война русского солдата не пугала и казалась ему освобождением от ужасов мирного нищенского прозябания.

Командный состав. Тяжесть подневольной солдатской жизни во многом зависит от качеств командного состава; эта зависимость была особенно велика при крепостном строе николаевской России. Мы можем, как на подтверждение этой зависимости, указать на то обстоятельство, что в местных войсках, где состояла худшая часть офицеров, процент солдатского дезертирства приблизительно в 8 раз превосходил дезертирство из полевых частей. Правда, в местные войска, объединенные при Николае I в «корпус внутренней стражи», назначались и худшие элементы набора.

Громадную смертность и тяжелые условия солдатской жизни в эпоху Николая I надо отчасти отнести на счет резко ухудшившегося корпуса офицеров. В конце XVIII века офицерский корпус представлял образованнейшую часть русского общества, цвет русского дворянства; отношения офицеров и солдат суворовской армии были проникнуты демократизмом, заботливым отношением к солдату, стремлением офицера привлечь к себе солдата. Это являлось возможным, когда помещичий класс находился в расцвете своих сил, когда пугачевское революционное движение не внесло еще ни малейшего раскола в его ряды. Иначе складывалась обстановка

после Французской революции, идеи которой захватили лучшую, образованную часть господствующего класса. Восстание декабристов явилось поражением военного либерализма и знаменовало окончательное изгнание интеллигенции из армии, начатое еще Аракчеевым. Потемкин со своими демократическими реформами представлял реакцию на пугачевщину, Аракчеев — реакцию на Робеспьера; совершенно различный ход этих реакций объясняется именно различной позицией дворянства к этим революционным движениям; в первом случае на него можно было вполне положиться, во втором — надо было подтянуть, чтобы сохранить существующий крепостнический строй. Было сделано наблюдение, что образованный русский человек чрезвычайно легко поддается влиянию радикальных политических теорий. Отсюда на военной службе начали отдавать решительное предпочтение немцам: в 1862 году подпоручиков немцев было всего 5,84%, а генералов — 27,8%; таким образом, немец, как политически более надежный элемент, продвигался по службе в пять раз успешнее, чем русский; это продвижение в зависимости от принадлежности к немецкой национальности являлось более успешным, чем от получения военного образования; получивших военное образование подпоручиков было 25%, а генералов — 49,8%. Эта карьера, которую немцы делали, опираясь на свою реакционную твердость, явилась одной из основных причин, развивших в русском народе, и особенно в русской армии, чувства вражды и ненависти к немцам, впрочем не слишком глубокие.

В условиях борьбы царской власти с оппозиционными настроениями образованного слоя русской буржуазии русский офицер, чтобы выдвинуться вверх по иерархической лестнице командования, должен был не только не кичиться своей образованностью, но свидетельствовать, что он совершенно равнодушен к вопросам, концентри-

рующим на себе внимание русского общества, и ничем другим, кроме мелочей военной службы, не интересуется. Денис Давыдов дает такую характеристику новых течений в офицерском корпусе:

«Глубокое изучение ремешков, правил вытягивания носков, равнения шеренг, выделявания ружейных приемов, коими щеголяют все наши фронтовые генералы и офицеры, признающие устав верхом непогрешимости, служит для них источником высших поэтических наслаждений. Поэтому и ряды армии постепенно пополняются лишь грубыми невеждами, с радостью посвящающими всю свою жизнь на изучение мелочей военного устава; лишь это знание может дать полное право на командование различными частями войск».

В условиях реакции новый командный состав мог поддерживать дисциплину в рядах армии не суворовским братским отношением к солдату, а лишь постоянной муштровкой, суровой взыскательностью, внешними, формальными мерами. Таким же тяжелым взысканиям за свои проступки подвергались и офицеры; это уже не были гордые представители дворянского класса, как в XVIII столетии, а только военные карьеристы, чиновники; в царствование Николая I до 1000 офицеров было разжаловано в солдаты.

Русская интеллигенция окончательно повернулась спиной к армии; эта позиция, сохраненная в ряде поколений до Русско-японской войны включительно, стала для нее чрезвычайно характерной. Армия на этом разрыве проиграла столько же, сколько и интеллигенция.

Находиться под началом грубых, невежественных генералов и полковых командиров никому не приятно. Русская армия стала терпеть недостаток в офицерах, так как помещичий класс и образованная буржуазия уклонялись от военной службы. Основная масса — 70 % николаевских офицеров — образовывалась за счет беднейшей и полу-

чившей лишь начатки образования части сыновей дворян и разночинцев; они поступали в армию вольноопределяющимися и через несколько лет производились в офицеры без экзаменов. Сыновья офицеров, воспитывавшиеся в пятиклассных кадетских корпусах, научный уровень которых также упал в сравнении с XVIII веком, составляли лучшую часть офицерского корпуса и служили преимущественно или в гвардии, или в специальных родах войск; число их достигало лишь 20 % всего офицерского корпуса; до 10 % офицерского состава приходилось пополнять производством унтер-офицеров, поступавших на военную службу кантонистами или по набору. Сыновья офицера из кантонистов, родившиеся до его производства в офицеры, за исключением одного, оставались париями-кантонистами. Семья офицера из кантонистов оставалась, таким образом, на полукрепостном состоянии, что свидетельствует о крайне скромном уважении к офицерскому званию.

Офицерский корпус расслоился на белую и черную кость. Произведенные из кантонистов неполноправные офицеры дрожали за свою участь и опасались катастрофы за любую мелочь, не понравившуюся на смотре; они были так же несчастны, как солдаты, отличались жестоким обращением с подчиненными и часто наживались за их счет. И несмотря на всю эту неразборчивость в пополнении командного состава, последнего не хватало: в начале царствования Николая I на 1000 солдат приходилось 30 офицеров, а к концу на то же количество солдат приходилось только 20 офицеров. Малая успешность пополнения командного состава объясняется и тем, что офицеры в среднем служили, как и николаевские солдаты, только десять лет; наиболее пригодный элемент командного состава, найдя возможность устроиться вне армии, уходил в отставку.

Если масса николаевских офицеров деклассировалась, то самые верхи армии, военные министры Чернышев

и Долгорукий, командующие армиями Паскевич, Горчаков и Меншиков, командующий на Кавказе Воронцов представляли верхи титулованной аристократии, получившие европейское образование, ведшие служебную переписку на французском языке, изучавшие стратегию по трудам Жомини. Эти верхи решительно оторвались от армии; светлейший князь Меншиков, остроумнейший человек, никогда не мог принудить себя сказать несколько слов перед солдатским строем; в противоположность Суворову, новое высшее командование ничего общего с солдатской массой не имело, тяготилось нашей отсталостью от Западной Европы и было проникнуто глубочайшим пессимизмом. Для всего высшего состава характерным является скептицизм по отношению к России, полное неверие в силы русской государственности. Морально он уже являлся разбитым до столкновения с Западной Европой и потому неспособен был использовать и имевшиеся налицо силы и средства.

Генеральный штаб. В 1882 году по идеям Жомини была учреждена Военная академия, с несравненно большими задачами и более широкой программой, чем существовавшие в то время высшие военные школы за границей. Академия имела две цели: 1) подготовка офицеров для службы в генеральном штабе и 2) распространение военных познаний в армии. Однако, несмотря на известную покладливость Жомини, он не был допущен к руководству Военной академией. Первым ее начальником был назначен генерал Сухожанет, основным лозунгом которого было положение: «Без науки побеждать можно, без дисциплины — никогда»; Сухожанет установил в Академии жестокий режим. Так как феодализм упорно отстаивал свою монополию на высшее командование и в армии ставка на образованных генералов была исключена, то вторая часть задачи Военной академии — распространение в армии военного образования — от-

пала. В 1855 году, в год смерти Николая I, в разгар Восточной войны это создавшееся положение было лишь запротоколено переименованием Военной академии в Николаевскую академию генерального штаба. Последняя не должна была заботиться об уровне военных познаний в армии, а лишь поставлять ученых секретарей малограмотным генералам.

Таким образом, генеральный штаб не мог помочь высшему командованию выбраться из его затруднений; он был засажен за канцелярскую работу, лишен инициативы, не имел нужного авторитета. Штабная служба была плохо организована. Главнокомандующий в Крыму Меншиков принципиально обходился вовсе без штаба, обдумывая втайне свои намерения и имея при себе лишь одного полковника для рассылки отдаваемых распоряжений.

Организация и мобилизация. Наличный состав армии достигал миллиона нижних чинов. Между тем крупных организованных единиц было чрезвычайно мало; армия насчитывала всего 29 пехотных дивизий, лишь немногим больше того, что могли мобилизовать европейские государства, содержавшие в мирное время на действительной службе в 5 раз меньшее количество едоков. Собственно регулярная армия насчитывала 690 тыс.; 220 тыс. представлял Корпус внутренней стражи; местные интересы обслуживались войсками с чисто крепостной точительностью людского материала; по своей подготовке и составу части внутренней стражи представляли собой моральных и физических инвалидов, отбросы рекрутских наборов и ни малейшего боевого значения иметь не могли. На действительной службе в мирное время находилось 90 тыс. казаков.

Иррегулярные части по штатам военного времени должны были представлять 245 тыс. человек и 180 тыс. коней; фактически в Восточную войну они были мобили-

зованы в гораздо большем составе и представляли массу в 407 тыс. человек и 369 тыс. коней. Возможности дальнейшего роста их имелись налицо. При таком изобилии легкой иррегулярной конницы мы содержали еще свыше 80 тыс. регулярной кавалерии. Впрочем, количество регулярной кавалерии шло беспрерывно на убыль не только в процентном отношении к пехоте, но и абсолютно: начало николаевского царствования — 20 кавалерийских дивизий, эпоха Восточной войны — 14 кав. дивизий; после демобилизации были сокращены еще 4 кав. дивизии.

Артиллерия была многочисленна; артиллерийские бригады, имевшиеся по числу пехотных дивизий, состояли из 4 батарей по 12 орудий в каждой; в соответствии с обычаями, установившимися при Наполеоне, в каждой батарее имелись и пушки, и гаубицы (единороги).

Управление характеризовалось централизацией решения всех вопросов в Военном министерстве, на котором лежало непосредственное контролирование войск и военных учреждений.

Войска были сведены в 8 пехотных корпусов — по 3 пехотных дивизии, 3 арт. бригады, 1 кав. див., 1 конно-артиллерийская бригада, 1 саперный батальон; кроме того, имелись 2 кав. корпуса и Отдельный кавказский корпус.

Мобилизация, вызванная революцией 1848 года, указала на необходимость создания запасных частей; вследствие недостатка обученного запаса приходилось увеличивать армию за счет набора рекрутов, обучение которых с выступлением в поход действующих частей должно было вестись в особых частях. Однако резкой грани функций запасных и резервных частей проведено не было, и запасные части перерождались во второочередные дивизии.

Основным недостатком этого военного устройства являлась медленность мобилизации и роста вооруженных сил в случае войны. За исключением Отдельного кавказского корпуса, связанного долговременной борьбой на Кавказе, и Гвардейского и Гренадерского корпусов, расхождение коих на полях сражений являлось крайне нежелательным по соображениям внутренней политики, оставалось только 6 пехотных корпусов, что было очевидно недостаточным для обороны западной границы и побережья Балтийского и Черного морей. Приходилось делать новые наборы и приступать к формированию новых батальонов в существующих полках. В Восточную войну появились 5, 6, 7, 8-е, в иных полках даже 9-е и 10-е батальоны, которые сводились во вновь импровизируемые соединения; точно так же росла и артиллерия. Эти новые формирования, образуемые из новобранцев, требовали для своего устройства много времени; вследствие отсутствия кадров, в особенности командного состава, боевые достоинства их были невысоки.

Таким образом, на случай осложнений приходилось приступать к мобилизации еще задолго до наступления дипломатического кризиса. Так, Россия затратила значительные суммы на мобилизацию 1848–1849 гг. и мобилизацию 1863 года; в последнем случае далее враждебного тона французских и английских дипломатов дело не пошло. В Восточную войну нам приходилось иметь дело с десантом, достигавшим только 200 тыс.; однако ввиду общего обострения отношений и враждебной позиции Австрии на всякий случай пришлось прибегнуть к общей мобилизации; за время войны были призваны срочно и бессрочно отпускные — 212 тыс., были произведены 7 наборов рекрутов, давших в общей сложности 812 888 человек, создано ополчение — свыше 430 тыс.; к концу войны имелось 337 дружин и 6 конных полков ополчения

общей численностью 370 тыс.; вместе с иррегулярными войсками, доведенными до 407 тыс., общая численность армии достигла двух с половиной миллионов. Мирная организация повсюду раздробилась и смешалась; одни части вливались на пополнение других, другие входили в сборные армии, корпуса, дивизии, третьи играли роль запасных частей; под Севастополем отмечается наибольшее организационное многообразие и вступление ополченских частей в бой. Очевидно, это громадное напряжение совершенно не отвечало скромной цели — содержания в Крыму 200 тыс. солдат действующей армии. Россия перемобилизовалась, и вытекавшее из перемобилизации истощение русской экономики явилось одной из главных причин, заставившей нас признать борьбу проигранной. Такое излишнее заблаговременное напряжение сил, однако, являлось прямым следствием медленности мобилизации.

Военная промышленность. Наша военная промышленность работала крепостным трудом; паровых машин не было; имелись только конные приводы; на многих военных заводах работали и водяные двигатели, преимущественно еще на плотинах, сооруженных при Петре Великом. Крепостное хозяйство, с его ничтожной товарностью, обуславливало малую емкость рынков, что чрезвычайно затрудняло во время войны массовую заготовку снабжения для армии.

Достаточно ясно характеризует условия снабжения армии военный министр князь Долгорукий в письме¹ от 23 декабря 1854 г. князю Горчакову: «Конечно, можно возложить на себя и своих сотрудников ответственность за такую неуспешность, но, когда отсутствие мощной

¹ Это письмо характеризует не только русскую промышленность, но и скептицизм высших руководителей армии. Позиционная борьба под Севастополем потребовала такого напряжения материальных средств и военной промышленности, что и Франция, и Англия оказались полубанкротами.